

ЗА РУБЕЖОМ

УДК 32

В.А.Бобков

Европа на перепутье: уроки для Беларуси Часть 2. Конец «плавильным котлам»?

Во второй части статьи автор рассматривает крах политики мультикультурализма в Западной Европе. Анализируется процесс европейской иммиграции конца XX–начала XXI веков и описываются связанные с ним проблемы и противоречия относительно государств Европы и тех людей, которые туда иммигрируют. Дается характеристика миграционной политики европейских стран и изменениям, происходящим в ее содержании, а также влиянию этих изменений на будущность Европейского Союза. Исследуется вопрос возможности построения новой модели Европы на базе интеграции Евросоюза и Евразийского экономического союза.

Ключевые слова и фразы: Европейский Союз; мультикультурализм; миграция; интеграция и дезинтеграция; Европейский Союз; Россия и Беларусь; перспективы Евросоюза; Евразийский экономический союз; новая модель Европы; препятствия к интеграции в Европе.

V.A.Bobkov

Europe at the Crossroads: Lessons for Belarus Part 2. Do “Melting Pots” Come to an End?

In the second part of the article the author considers the collapse of the multiculturalism policy in Western Europe. It analyzes the process of European immigration of the late 20th and early 21st centuries and describes the problems and contradictions concerning the states of Europe and those people who immigrate there. The characteristics of the migration policy of European countries and the changes in its content as well as the impact of these changes on the future of the European Union are given. The issue of the possibility of building a new model of Europe based on the integration of the European Union and the Eurasian Economic Union is explored.

Key words and phrases: European Union; multiculturalism; migration; integration and disintegration; European Union; Russia and Belarus; prospects of the European Union; Eurasian Economic Union; new model of Europe; obstacles to integration in Europe.

Конец XX века и начало XXI века проходили под хвалебные гимны мультикультурализму. Соединенные Штаты Америки, Великобританию, Францию, Герма-

Бобков Владимир Андреевич, заведующий кафедрой политологии, социологии и социального управления Белорусского национального технического университета, председатель Ассоциации политических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь, г. Минск; конт. инф.: kaffpolitics@bntu.by

© Бобков В.А., 2017

нию, Испанию называли образцовыми «плавильными котлами национальностей». Особенно ярко выраженной была в этом отношении политика Франции, пытавшейся ассимилировать у себя мигрантов – выходцев из Северной Африки. Было ощущение, что французская политическая элита страны напрочь забыла идеи послевоенного президента Франции де Голля, суть которых сводилась к укреплению собственного государства, защите национальных интересов и суверенных прав граждан страны.

Наличие «плавильных котлов национальностей» учеными и политиками обосновывалось, как и образование международных экономических и финансовых корпораций-гигантов, закономерностью глобализации мира, вовлечения в этот процесс все новых и новых стран и народов. Многими авторами процесс глобализации мира представлялся устремленным в историческую бесконечность, выхода из которой нет и не может быть, а конечным результатом станет формирование некоего «сверхобщества». Вместе с тем Великобритания неожиданно для всего мира попыталась подвергнуть серьезному сомнению такую закономерность, поставив национальные интересы превыше всего и приняв решение о выходе из Евросоюза.

Но остановимся подробнее на иммиграции. В европейской иммиграции конца XX – начала XXI веков можно выделить две ее составные части: первая – своего рода реиммиграция, вторая – переселение людей из близких к Европе слаборазвитых стран. Среди репатрирующихся преимущество за немцами, лицами британского происхождения и выходцами из стран бывшего СССР. В Европейском союзе на рубеже веков проживало примерно 6 млн выходцев из других европейских государств, 3–4 млн – из государств Магриба и Африки, 4–5 млн – из Турции и стран, которые ранее входили в состав Югославии, 1 млн – из стран Азии [1].

По некоторым данным, в настоящее время мусульманская община в странах Евросоюза насчитывает 13 млн человек. Во Франции мусульмане составляют уже около 10 % населения [2]. В ряде государств, как и во Франции, их доля постоянно растет. Так, в 2015 году в Германию прибыли 890 тысяч мигрантов, в 2016 году – 280 тысяч. Если в конце 2015 года коронная фраза госпожи Меркель звучала: «Мы можем это сделать», то в начале текущего года она вынуждена была забыть о культуре гостеприимства для беженцев и отказаться от своей миграционной политики. В 2016 году 55 тысяч мигрантов покинули страну по программе так называемого добровольного возвращения на родину в обмен на материальную помощь. На программу добровольного возвращения выделено 40 млн евро [3].

Мигранты не в состоянии адаптироваться и преуспеть в чужой для них среде, поэтому образуют довольно замкнутые сообщества и воспроизводят привычные для них связи и отношения, основанные на национальных традициях. Причем центром притяжения в таких сообществах обычно становится мечеть (в ФРГ их более 200). Здесь наставление верующим дают имамы, зачастую проповедуя ненависть по отношению к европейцам-христианам и иудеям.

Игнорирование устоев и традиций страны проживания, принципов гражданского общества естественно вызывает возмущение коренных жителей стран Евросоюза. Так, например, в Германии, согласно данным социологического опроса, 70 % немцев заявили, что необходимо менять миграционную политику властей. К тому же у Ангелы Меркель – главного идеолога этой политики – появились серьезные критики внутри правящей коалиции и самый видный из них – Хорст Зеехофер. Этот

протест еще более усилился, когда в числе иммигрантов оказались радикальные исламисты-террористы, подготовленные ИГИЛ.

Одним из важных, спланированных элементов ЕС, если не самым важным, выступала европейская социальная модель, которая имела различные варианты в жизненной практике: англосаксонская, континентальная, североевропейская, средиземноморская. В рамках многообразия вариантов этой модели успешно реализовывалась социальная политика государств Евросоюза, которая, кстати, находится в компетенции национальных государств. Достаточно сказать, что более 30 % ВВП Евросоюза использовалось на социальные нужды. А, например, в скандинавских странах – до 60 %. До последнего времени две трети европейцев относили себя к среднему классу. Но на современном этапе, насыщенном сложными кризисными, межгосударственными разногласиями, политическими противоречиями, появлением социальной нестабильности в связи с наплывом мигрантов, европейская социальная модель потеряла свое былое величие, можно сказать, что эта модель выглядит потускневшей.

Ряд аналитиков отмечают, что в последние годы социальная интеграция все более отставала от экономической, финансовой и политической. Наиболее развитые страны не хотели делиться социальными достижениями. Конечно, все это вызвало протестные настроения среди населения, потерю доверия к руководству ЕС. Если, например, десять лет назад руководство ЕС поддерживали более 50 % населения, то в 2015 году – только около 30 % [4, с. 147–148].

Таким образом, очевидно, что мир изменился, а вот изменилось ли мышление? В мировой практике считается, что научные исследования в социально-гуманитарной сфере во многом отражают состояние общественной мысли в стране, где они проводятся, а наиболее передовые – подсказывают государству и обществу пути дальнейшего прогрессивного движения. Такой посыл подтолкнул нас к идее изучения наиболее заметных трудов европейских ученых и политиков, вышедших в последнее время. То есть, что думают, к каким выводам приходят ученые и политики, анализируя современное состояние Европейского союза и его перспективы?

Один из таких трудов – исследование германского политика Тило Саррацина под говорящим названием «Германия: самоликвидация». В своей книге он задает сверхактуальные для Европы вопросы:

– стремится ли мусульманское сообщество в Германии к интеграции в немецкую жизнь?

– как взаимодействует потенциал, который заложен в генах, с влиянием окружающей среды?

– насколько проблематичны демографические проекции, переброшенные через несколько поколений?

– какими должны быть пути выхода из миграционного кризиса, в котором оказалась Европа?

– признаки упадка государства и общества.

В целом Тило Саррацин видит корень всех евросоюзных бед в деградации Германии как ведущей державы Запада, ее политиков и общества. За публикацию своих взглядов и выводов он был уволен с работы в Совете директоров Немецкого федерального банка [5].

Вторая работа: книга профессора по европейской политике и исследованию вопросов демократии Ульрике Геро из Дунайского университета г. Кремса (Австрия). Название книги тоже говорит само за себя: «Европейская гражданская война – Европа меж зловещим духом и гуманизмом». Профессор Геро перечисляет события общеевропейской жизни, начиная с 1998 года, и приходит к выводу о том, что «с Евросоюзом было покончено в 2012 году, если не раньше», но верить в это, как и слышать это, никто не хотел.

У.Геро никак нельзя причислить к числу марксистов, тем не менее она обращает внимание на классовую подоплеку происходящего в Евросоюзе: европейскую гражданскую войну ведут не страны, а верхи и низы, богатые и бедные. Профессор утверждает: «То, что сегодня многие переходят на сторону правых популистов Орбана, Вилдерса, Ле Пен, является лишь логическим следствием социальных разочарований последних десятилетий».

Геро, как и Саррацин, не обходит стороной и миграционный кризис, который серьезно добавил трещин в здание Евросоюза. Здесь она как бы читает мысли и снимает с языка политиков и простых граждан: «...Европа – это когда Германия определяет, как будут решаться вопросы» (в частности и миграции. – *В.Б.*). Тем самым подчеркивается глубокое недовольство и Ангелой Меркель, и Германией в целом, так как одна страна определяет другим странам квоты на беженцев и пытается решать все за них и без них.

Обратимся еще к одному научному труду под названием «За Европу!». Его автор – Даниэль Кон-Бендит. Он являлся депутатом Европарламента от партии «зеленых» с 1994 по 2014 годы. Автор, в отличие от двух предыдущих, не верит в развал Евросоюза, в победу националистов на выборах и в будущем видит во главе Евросоюза «президента, избранного европейцами... Настоящее европейское правительство. С совместной армией, внешней политикой и единым мнением» [6].

Зыбкость почвы под ногами ЕС активизировала западных политиков. Поиск выхода из ситуации некоторые из них повели в организационно-политическом плане. В январе 2016 года председатель комитета по внешним отношениям Э.Брок и член комитета по региональному развитию Европейского парламента М.Брессо представили доклад под названием «Улучшение функционирования Европейского союза посредством исчерпания потенциала Лиссабонского договора». Они внесли 95 предложений по интенсификации интеграции. В частности, было предложено ограничить влияние Европейского совета (глав государств и правительств стран-членов ЕС) на процедуру законодательства, а функции президента Европейского совета объединить с функциями президента Европейской комиссии, перейти от единогласного принятия решений к квалифицированному большинству. В докладе предлагается Европейский совет преобразовать в подлинную законодательную палату, создав настоящую двухпалатную систему из Совета и Парламента с Комиссией как исполнительным органом, а также учредить должность европейского министра финансов.

В целях достижения эффективности и сплоченности докладчики большую роль отводят принципу принятия решений, настаивают на принятии решений квалифицированным большинством, отвергая действующий принцип вето. И вот как они об этом пишут: «Европейскому союзу с 28 странами и принципом вето пришел конец... Принцип вето – это принцип тотального отрицания, принцип шантажа. Ре-

шение большинства – это способ побудить каждую сторону к готовности к компромиссу. Значит решение большинства – это не одностороннее осуществление интересов, а форма возможных компромиссов в данном европейском контексте.

Еще немного ранее будущим Евросоюза озаботился бывший германский министр иностранных дел Й. Фишер. Это будущее он видит только в его федеративном устройстве. В качестве модельного образца Фишер рассматривает Швейцарию, состоящую в этническом и языковом отношении из немцев, французов, итальянцев и ретороманцев и в то же время представляющую единое национальное государство – «государство разума» с четырьмя языками. По Фишеру, это как бы Европа в миниатюре. Такая Европа уходит от «тяги соответствующих национализмов к политической, языковой и этнической гомогенизации...».

Своего рода промежуточным шагом к сплочению ЕС Фишер предлагает дальнейшее развитие той группы глав государств и правительств стран, где введен евро. Он считает полезным даже создание «правительства зоны евро». Фактически это концепция «ядра Европы» или Европы разных скоростей: во-первых, члены ЕС, которые ввели у себя евро и входят в Шенгенскую зону. Во-вторых, страны, которые не ввели евро. В-третьих, те, кто не входит в Шенгенскую зону и не использует евро в качестве национальной валюты (Великобритания, Румыния, Болгария, Хорватия).

И тем не менее окончательный вывод Фишера малоутешителен: «Без полной политической интеграции хотя бы группы Еврозоны в ближайшем десятилетии все образование по имени ЕС будет находиться под угрозой опасной слабости, распада и неудачи и дальше терять свою привлекательность [7].

Чувствуется, что идея разноскоростного развития Европы все более овладевает умами нового руководства Евросоюза. Глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер недавно заявил о наличии плана, предусматривающего, по сути, создание Соединенных Штатов Европы. Со слов немецкого политолога Александра Раа, речь идет о старом франко-германском плане, который был разработан еще в 90-е годы прошлого столетия, во время правления в Германии Гельмута Коля. Он предусматривал создание Соединенных Штатов Европы при наличии внутри ее двух или даже трех разных скоростей для входящих в ЕС государств [8].

По сообщениям средств массовой информации, в самое последнее время у Брюсселя появился как бы дополнительный план затормозить дезинтеграцию и крепче привязать к себе страны-члены ЕС путем усиления роли единой валюты – евро. Еврокомиссия рассчитывает до 2025 года ввести ее во всех 27 странах ЕС. С этой целью в Страсбурге прошла закрытая встреча еврокомиссара по вопросам евро Валдиса Домбровскиса и комиссара по экономике и финансовым делам Пьера Московиси с депутатами Европарламента.

Однако и здесь не все гладко. Например, в соглашении о вступлении в Евросоюз Данией официально зафиксирован отказ от присоединения к еврозоне. Отсутствует интерес к европейской валюте у Швеции. Болгария, Венгрия, Польша, Чехия, Хорватия и Румыния в настоящее время не отвечают критериям, которые необходимы для вступления в еврозону [9].

Думается, введение единой валюты во всех странах-членах Евросоюза способно стать на некоторое время стабилизирующим фактором. Но только на определенное время. Ведь вхождение в еврозону под давлением из Брюсселя на более ран-

нем этапе интеграции некоторыми аналитиками рассматривается одной из главных причин нынешних дезинтеграционных процессов в ЕС. Так, профессор университета г. Зиген (Германия) Эберхард Шнайдер считает, что отторжение ЕС началось как раз с введения евро в 2002 году, что вызвало серьезную неудовлетворенность ряда стран [7].

Как видим, единого мнения нет у всех рассмотренных нами авторов. Наоборот, выявляется множественность мнений и взглядов на Европу будущего. Но в этой множественности мнений все же главной выступает идея Соединенных Штатов Европы разных скоростей. При этом пока ее авторы видят задачей укрепление, развитие Европы и не ставят, например, таких вопросов: а как отнесется к сплочению и укреплению Европы Америка? Будет ли она мешать этому процессу, если параллельно с НАТО, полностью контролируемым американцами, появится структура европейской безопасности – без Вашингтона и не под контролем Вашингтона?

И еще одна важная позиция. Вся эта множественность мнений аккумулируется в основном вокруг старых европейских взглядов и представлений периода «холодной войны». Потому членами Евросоюза видятся только классические западные европейцы. Давно нет Советского Союза как главного «врага» ЕС. За счет бывших республик СССР и других стран соцлагеря Евросоюз значительно расширил свое членство. Вместе с тем архитекторы обновляемого Евросоюза допускают те же ошибки, что и их предшественники: они не видят вокруг себя других стран и особенно – Россию.

А теперь давайте задумаемся: будет ли устойчивым и долговременным новое здание Европы, если при его строительстве забыть возвести одну из несущих стен? В данном случае такой прочной несущей стеной может стать Россия, а вместе с ней Беларусь и другие страны СНГ.

Сразу же возникает еще один вопрос: а возможно ли это в современных условиях, когда идет волнообразное обострение отношений между Западом и Россией, Западом и Беларусью? На наш взгляд, вполне возможно. Но для этого необходимо глубокое понимание важности проблемы и желание ее решить, как, например, решалась она во время Карибского кризиса в процессе противостояния СССР и США. Понимание и желание помогут снять с глаз Запада шоры устаревшего блокового мышления, помогут убрать из голов европейских политиков и ученых привычное наличие разделительных линий на европейском континенте. Дело в том, что за десятилетия противостояния (еще со времен Советского Союза) и европейские политики, и ученые настолько свыклись с этими линиями, что мысль о включении России в состав новой, современной модели Европы их попросту не посещает.

Вместе с тем данное утверждение, возможно, и не совсем верное. Есть в наличии один пример. Это был самый начальный период разногласий между Россией и Евросоюзом, возникших по поводу заманивания Украины в процесс ассоциации ее с Европейским Союзом. Тогда, выступая на пленарной сессии Европарламента 11 сентября 2013 года, европейский комиссар Штефан Фюле высказал в данном отношении очень обнадеживающие идеи. Он заявил о том, что Евросоюз не только не будет помехой в традиционных связях стран «Восточного партнерства» с Россией, но и готов помочь им в этом. Вторая важная идея – активное сотрудничество с Россией по унификации норм и стандартов ЕС и Таможенного союза [10, с. 8–9].

Согласитесь, что эти идеи довольно широко раздвигали рамки сотрудничества Запада с Россией, убирали с его пути противостояние и прозрачно намекали на сближение и расширение взаимовыгодной торговли между ЕС и Таможенным союзом. Однако были ли эти прогрессивные идеи восприняты широким кругом руководства Евросоюза? Да и вообще, насколько они отражали мировоззрение руководящих кругов Европейского союза? Жизнь показала, что вследствие углубления украинского кризиса и нарастания противостояния между Западом и Россией данные идеи вообще оказались отброшенными и забытыми.

Проецирование создания новой модели Европы без России определенно обрекает проект на неудачу. Здесь барометром могут служить настроения людей во Франции, Италии, Греции, Испании, а также местных органов власти, многие из которых хотят сближения с Россией. А ведь в случае вовлечения России в такую модель сразу решаются многие острые проблемы, включая безопасность и украинский кризис. Поэтому разворот научной и политической мысли в Евросоюзе в русло современных реалий, ожиданий граждан интеграционного объединения, избирателей, многие из которых хотят сближения с Россией, не просто желателен, а жизненно необходим.

Такое сближение и тесное сотрудничество возможно, если в современные отношения ЕС и России закладывать не зерна раздора, а зерна разума. Не секрет ведь, что пока ЕС ищет лишь пути, которые бы приводили к нанесению поражения России (взять хотя бы санкции), а не оказание помощи. Вынужденно не оставалась в долгу и Россия. Но если сломать стереотипы – тогда открывается совершенно иной простор для взаимодействия и в экономике, и в политике. А главное – выиграют граждане Европы, на нужды которых пойдут те большие финансовые потоки, которые тратят сегодня и Россия, и Евросоюз, и Беларусь на военные цели. Граждане не выиграют не только материально, но и морально – отбросив в прошлое образ врага. Разве этого мало?

Потеплевшие в последнее время отношения Европейского союза с Беларусью являются очевидным и убедительным аргументом. При этом налаживание отношений сотрудничества с Россией крайне необходимо сегодня Евросоюзу для укрепления своих позиций перед лицом Америки. Это уже не только геополитическая аксиома, но и чисто жизненная необходимость. Только в союзе с Россией и Меркель, и Макрон могут противостоять Америке во главе с Трампом.

Вместе с тем можно высказать предположение, что разум все же восторжествует: украинский кризис в обозримом будущем постепенно уйдет в прошлое и в перспективе 20–30 ближайших лет противостояние (конкуренция) двух интеграционных моделей – Европейского союза и Евразийского экономического союза постепенно уступит место росту доверия, поиску путей их сближения и пользования общей выгодой. То есть произойдет интеграция интеграций, о которой говорят как в странах Евразийского экономического союза, так и в странах ЕС.

На чем основывается такой прогноз? Во-первых, осуществление его возможно при условии отсутствия крупных военных конфликтов в Европе. Во-вторых, при учете того, что в России все сильнее набирает обороты негосударственный сектор экономики (капитализм), который «роднее» и понятнее в странах Европейского союза и не вызывает такого отторжения, как государственный сектор, ассоциируе-

мый на Западе с советским, коммунистическим прошлым. Данный фактор способен стать важным экономическим связующим звеном для интеграционных моделей.

В-третьих, чем сильнее будет крепнуть Россия (главный интегратор в ЕАЭС), чем привлекательнее будет ее образ и уровень жизни граждан, чем лучше будет жизнь людей во всех странах Евразийского экономического союза, то можно предположить, что эти две модели станут постепенно сближаться. Для Беларуси это выгодно во всех отношениях и прежде всего экономическом: Европа принимает около 40 % белорусского экспорта. Примерно столько же – Россия. Но самое главное достижение – это моральное единение европейских народов, формирование Европы как единого политико-экономического пространства.

В-четвертых, такое возможно при сохранении Евросоюза как единой и прочной европейской структуры, при победе сил разума над силами зла, при серьезных изменениях в мышлении европейских чиновников, при становлении самостоятельности Евросоюза и отказа от ручного управления им из-за океана.

В-пятых, интеграция народов Европы будет идти успешнее при условии ослабления противодействия со стороны США.

В последнее время серьезным фактором, обнадеживающим наш прогноз, является заявка Молдовы стать наблюдателем при ЕАЭС. Желание Молдовы поддержано Высшим Евразийским экономическим советом, состоявшимся в Кыргызстане в апреле 2017 года. Поддержав такое решение Кишинева, президенты стран ЕАЭС договорились официально запустить данный процесс на следующем заседании, которое планируется провести в Москве 11 октября текущего года [11, с. 8]. Данный факт свидетельствует о том, что, несмотря на сложности в развитии, Евразийский экономический союз становится все более привлекательным интеграционным объединением для других государств. Это особенно примечательно на фоне выхода из Евросоюза Великобритании и антиинтеграционных настроений в Греции, Италии, Испании, Франции.

В то же время расширение и укрепление Евразийского экономического союза правомерно рассматривать как укрепление Россией своего «полюса силы» на постсоветском пространстве (пусть пока только экономической) в рамках ЕАЭС. Если будет продемонстрирована привлекательность интеграционного объединения, то в условиях внутренних и внешних угроз государств СНГ в скором времени может встать на повестку дня и вопрос политической интеграции.

Таким образом, создание нового европейского проекта – новой модели Европы без включения в него Российской Федерации (а вместе с ней и Беларуси) обрекает этот проект на неминуемый крах – если не сегодня, то в обозримом будущем. Как ни страшно сегодня авторам такого проекта видеть в нем Россию полноправным членом, но иного выхода нет, надо избавляться от политической темноты. Только тесное экономическое и политическое сотрудничество с Россией и в целом с ЕАЭС делают проект построения новой модели большой Европы логически завершенным, нормируют его как проект мира и благополучия народов. В этом случае единая Европа в экономическом плане получит немало шансов на совместное использование богатейших природных ресурсов России, а в военно-политическом плане НАТО, как традиционный инструмент сдерживания России, – само по себе уйдет из жизни, оставаясь в памяти европейцев как неприятное воспоминание. Можно и по-другому сказать. В конце концов, что для европейцев лучше: смерть НАТО или смерть ЕС?

Что касается внутреннего развития России, то включение ее в состав большой новой Европы будет означать ускоренный уход от сырьевой зависимости, более успешную модернизацию экономики, укрепление политической стабильности внутри страны. Особенно значимым будет внешнеполитический результат: Европа получит долгожданное сплочение своих народов, сил и ресурсов. Америка утратит способность с помощью Евросоюза склонять и спрягать Россию в своих корыстных интересах.

В целом такое развитие событий создаст новую геополитическую ситуацию на европейском континенте, неизмеримо повышая роль единой мощной Европы в сложном современном мире. И тогда не придется европейским лидерам прислушиваться к указаниям из-за океана, а также заниматься растаскиванием постсоветских государств в духе блокового мышления, рисуя им в теории райскую жизнь, а на деле ввергая в водоворот гражданской войны и нищего существования. Не эти ли «стимулы» подвигли в сторону Евразийского экономического союза Молдову, бросившуюся ранее в объятия ассоциации с ЕС?

Идея создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока не такая уж и безумная. Она занимала умы многих политических лидеров и имеет большую историю. Впервые она была выдвинута еще в середине прошлого века видным французским президентом Шарлем де Голлем, который называл свою идею созданием Большой Европы от – Атлантики до Урала. Странником этой идеи был и другой французский лидер – Николя Саркози. Он на саммите Россия – ЕС в 2010 году говорил о реальной возможности Евросоюза и России сформировать общее экономическое пространство протяженностью в десятки тысяч километров.

Более пятнадцати лет назад итальянец Романо Проди, будучи председателем Европейской комиссии, тоже предложил создать единое экономическое пространство от Португалии (западной границы Европы) до российского Владивостока (восточной границы Европы). Канцлер ФРГ Ангела Меркель в своем выступлении на форуме в Штральзунде в 2015 году также заявила, что не исключает образования крупной зоны свободной торговли, в том числе с Россией.

О возможности совместного экономического развития России, Евразийского экономического союза и ЕС неоднократно говорили Президент России Владимир Путин, Президент Беларуси Александр Лукашенко. На международном форуме приграничных регионов, который состоялся в г. Пскове 17–19 мая 2017 года, Госсекретарь Союзного государства Григорий Рапота так конкретизировал эту идею: «Евросоюз, Евразийское сообщество, ШОС, Союзное государство – все они могут стать элементом большой конструкции под рабочим названием «От Лиссабона до Владивостока» [12].

Все это свидетельствует о значимости идеи и ее положительном восприятии высокими представителями как Запада, так и Востока Европы. Однако дальше понимания дело не продвинулось со времен президентства Шарля де Голля. Пока политические лидеры говорят лишь о возможности, а не о практической реализации судьбоносной идеи в жизнь. При этом лидеров ЕС все же держит за полы блоковое мышление и Америка.

Но когда-то же должна меняться ситуация в отношении сближения Запада и Востока. И, на наш взгляд, как раз современная ситуация противоречий между государствами и дезинтеграции в Евросоюзе может явиться началом сближения двух

союзов – ЕС и ЕАЭС: устранение разногласий, отказ от заблуждений, поиск согласия. Понятно, это не однодневный процесс при наличии таких противоречий, как ПРО, санкции, Украина, Крым, Сирия и др. Но важно сделать первые конкретные шаги навстречу друг другу.

Такие конкретные шаги со стороны ЕАЭС сделаны. В последнее время в ЕС направлено официальное предложение о возобновлении взаимных деловых контактов, о необходимости начать диалог по созданию единых правил экономического сотрудничества на пространстве Большой Европы [13]. Разве есть альтернатива в современных условиях реформирования глобальной политики?

Определенную лепту в налаживании конструктивного диалога между ЕС и ЕАЭС, выработку общих интегративных экономических, социокультурных, да и политических ценностей сегодня способна внести и Беларусь, которой добавляет возможностей и доверия участие в проекте «Восточного партнерства». Не секрет, на Западе скрытый подтекст этого проекта видели в выведении из-под влияния Российской Федерации ряда бывших советских республик. Но, полагаем, рассматривать проект только в такой плоскости было бы и прямолинейно, и односторонне. Он является своего рода напоминанием о незавершенности геополитической конфигурации европейского пространства, о возможности новых изменений. А с точки зрения национальной безопасности он дает Беларуси как малой стране, находящейся в центре Европы, шанс налаживания более тесных контактов с ней, укрепления имиджа, выхода в глобальный мир.

В таких условиях Беларусь могла бы стать участником более тесного экономического и социально-культурного сотрудничества государств по всему периметру белорусской границы. Обладая солидным геополитическим потенциалом, она способна выполнять и более заметную роль в объединенной Европе, например, как мост между Востоком и Западом, как транзитное государство. Эти вопросы приобретают особую актуальность в современных условиях дезинтеграции в Европе и мировой нестабильности.

Какие же общие уроки интеграции преподает нам самое крупное и успешное интеграционное объединение в Европе?

Во-первых, проект интеграции необходимо выстраивать, основываясь на мягкой, а не жесткой силе, как это иногда делалось в ЕС. Сделанное силой может казаться прочным на века, но это кажущаяся прочность: наступает подходящий момент и покоренная ранее силой неудовлетворенность вырывается наружу и рушит кажущуюся прочность. Отторжение ЕС, как считает профессор университета г. Зиген (Германия) Эберхард Шнайдер, началось с введения евро в 2002 году без гармонизации финансовой и налоговой политики. Эта неудовлетворенность до поры до времени дремала в недрах национальной государственности, а затем выплеснулась наружу.

Во-вторых, заметные риски для будущей жизни Евросоюза появились в период создания европейской Конституции, когда целый ряд стран высказывал несогласие с ее положениями. В качестве настоящей Конституции она не состоялась, а мутировала в Лиссабонский договор, который вступил в силу в 2009 году. А с 2004 год по 2006 год ЕС получил сразу 12 новых членов, переваривая старые и новые риски.

В-третьих, ренессанс национальной государственности, обусловленный разрушением в процессе интеграции и глобализации национальных традиций, идеалов, сложившихся стереотипов национального существования, резким укреплением в общественном сознании мнения, что в Брюсселе заседают высокооплачиваемые евробюрократы, ни за что не отвечающие.

В-четвертых, кризисное состояние европейской экономики, рост цен, безработицы, снижение заработной платы и пенсий, для многих европейцев, что содействовало расширению и укоренению среди населения мнения: все выгоды от интеграции получает лишь верхушка общества.

В-пятых, очень серьезным толчком к дезинтеграции явился неконтролируемый поток мигрантов в европейские государства, а вместе с ними террористов ИГИЛ, серии террористических актов в странах Евросоюза и неспособность Брюсселя предотвратить их.

В-шестых, внешний фактор. Важно учитывать историческое время, в котором формировался ЕС. То было время, когда Запад стремился создать и продемонстрировать модель развития, содержащую в себе большой идейно-политический заряд, направленный на то, чтобы одержать победу в соревновании двух политических систем – показать преимущества капитализма перед социализмом. Закрытость политической системы Советского Союза, экономические неудачи давали в этом плане ЕС большие преимущества. После распада СССР эти конкурентные преимущества стало по сути некому демонстрировать, да и население стран ЕС отчасти прозрело, отчасти устало от идейного противостояния.

Мы видим, что антироссийские и антибелорусские санкции не дали серьезного эффекта, а лишь вызвали в некоторых странах возмущение значительного числа населения. Надо учесть и то, что многие европейцы неоднократно побывали в России, Беларуси, других странах СНГ, своими глазами увидели нормальных людей, со многими завязали деловые и дружеские контакты.

В-седьмых, исследование вопросов интеграции выявляет, что в нашей стране этими проблемами занимается очень узкий круг ученых, а во властных структурах в основном чиновники высшего уровня. В то же время, например, в странах Евросоюза в обсуждение и принятие решений по данной проблематике вовлекается самая широкая общественность: ученые, рядовые граждане, ведутся дискуссии в политических партиях, общественных организациях, проводятся референдумы и др. И при всем этом развивается процесс дезинтеграции. У нас ничего этого не делается. Поэтому данный опыт было бы полезно позаимствовать, так как он, с одной стороны, формирует сферу сознания, общественного мнения относительно интеграции, а с другой – дает гарантию мощной внутренней поддержки интеграционного курса государства, его выверенности.

(Начало статьи см.: Вестник ВЭГУ. 2017. № 5 (91)).

Список использованных источников

1. Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры. М., 1999. С. 96.
2. Ачкасов В.А. Этнополитология : учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. С. 382.

3. Немцы против мигрантов // Рэспубліка. 2016. № 246. 27 снежня. С. 6.
4. Каргалова М.В. Евразийская интеграция: социально-политическое измерение (круглый стол) // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4. С.147–148.
5. Саррацин Тило. Германия: самоликвидация / пер. с нем. Т.А. Набатниковой. М. : Изд-во АСТ, 2016. 560 с. (Политика).
6. Кариг Ф. ЕС нуждается во втором дыхании // СБ. Беларусь сегодня. 2017. № 51. 17 марта. С. 6.
7. Шнайдер Э. Эффект брексита для Европейского союза: демонтаж интеграции или ее углубление? // Мир перемен. 2016. № 3. С. 179–182.
8. Трамп испортил Меркель праздник // Народная газета. 2017. № 22. 12 чэрвеня. С. 7–8.
9. Всех под евро? // Аргументы и факты. 2017. № 22. С. 5.
10. Бобков В.А. Белорусский путь интеграции в контексте геополитики и суверенитета // Беларусь в условиях глобализации и интеграции. Минск : БНТУ, 2013. С. 8–9.
11. Кононович Евгений. ЕАЭС: пятерка по взаимопониманию // Рэспубліка. 2017. № 71. 15 красавіка. С. 2.
12. Григорий Рапота. Устраним барьеры на пути интеграции // Союзное вече. 2017. № 22. 26 мая. С. 6.
13. ЕАЭС должен набрать политический вес // Союзное вече. 2015. № 47. 30 октября. С. 4.